

КАК МЕЖ ДРУЗЬЯМИ ВОДИТСЯ

В 1939 году в Москве проходила декада киргизского искусства.

Несколько молоды были в ту пору наша литература, можно судить хотя бы по тому, что литературная часть на первой декаде отсутствовала. Если позволительно сравнивать литературу и искусство с возрастом человека, то мы напоминали тогда любопытственного подростка, избежавшего на гору с сияющими глазами, жаждо всматривающегося в окружающую жизнь. Он делал первые шаги, еще многое не постиг, ему предстоялаперед большой и неслыханный путь. И вот сегодня, мне кажется, мы напоминаем уже не подростка, а возмужавшего джигита с крепкими, наружными руками, уверенно шагающего к цели, преодолевающего на пути многие трудные перевалы. Разве не являются достинением киргизского театра постановка оперы «Токтогул», спектакль большой эмоциональной силы, или великолепный балет «Чолпон», где такое волшебство фантазии, пластики и музыки? А разве не волнует, не заставляет переживать зрителя балет «Анар»? Большой успех выпал и на долю наших драматических театров, поставивших спектакли и об историческом прошлом, и о современности. На мой взгляд, больше чем где-либо раскрыта сегодняшняя жизнь в поэтических художников Киргизии.

Наконец, киргизская литература пристала во всем многообразии и богатстве, начиная от короткого стиха и рассказа, от поэм и повестей до крупных многоплановых романов.

Да, мы можем законно гордиться, подводя итоги декады: определились наши надежды и вера, с которыми мы ехали в Москву. Надо прямо сказать, что больше всего мы опасались пустых, парадных захватывающих, скрипок и синхронитовых «общих» речей. К счастью, этого не было. По-деволюционному, любовью и со всей страстью обсуждали наши произведения московские критики и писатели, сияя с нами за одним столом.

Семь дней шла напряженная работа в конференц-зале Союза писателей. Особенно хорошо, плодотворно прошло обсуждение киргизской прозы. Здесь мы будто заново предполагали свой путь, многое для нас стало яснее и отчетливее, над многим пришлось задуматься.

Стало очевидно, что киргизская проза уже достигла общесоюзного уровня и что «кони» ее идут вровень с «конями» братских литератур. Вместе с тем выясняется беспокойство по обстоятельству, что киргизская проза, посвященная самым насущным, актуальным темам современной жизни, во многих случаях художественно слаба. Нас это тревожило не только сегодня, и поэтому мы с таким вниманием прислушивались к выступлениям московских писателей, останавливающихся на проблемах современной тематики.

Быть может, мы и не получили исчерпывающих ответов на все живо интересующие вопросы на заседании Секретариата Союза писателей СССР, чтобы подвести итоги литературной части декады, — смотр киргизской литературы в столице стала очень успешна. Ссыльные сообщили, что в обсуждении киргизских книг участвовало более ста московских литераторов. Успех этих обсуждений в значительной степени зависит от успехов самой киргизской литературы.

Примером заинтересованности может служить само заседание Секретариата, собравшее многих писателей, горячие деловые выступления В. Журавлева, С. Подлесной, С. Баруздиной, Е. Пермитина и других.

В принятом решении перечислены успехи прошедшей декады, обращено внимание на недостатки ее организаций, рекомендованы книги центральным издательствам. Особо отмечена необходимость дальнейшего межраспроблемных связей.

От имени киргизских писателей выступили А. Салиев, К. Маликов, К. Бобулов, Н. Байтимиров.

Существующие нас вопросы, но полезного, необходищего мы повернули на этих обсуждениях очень много. Так, правильное, критическое освещение, на мой взгляд, получило творчество старшего киргизского прозаика К. Дянтошева, автора романа «Балыкбек» и повести «Пламенная молодежь», долгое время находившуюся в плену сказочных и фольклорных сюжетов, но в последнее время освоившего реалистическое письмо. Или творчество Н. Байтимирова, автора романов «Жылдызкан» и «Последний патрон», написанных с хорошим знанием жизни, но несколько поспешно. Н. Байтимиров, как отмечалось в ходе обсуждения, не всегда умеет обобщить факты и это оказывается на художественности его произведений. Такие же недостатки характерны и для способного прозаика Ш. Бейшеналиева, автора романа «Путь к счастью». Правы были товарищи, когда подчеркивали, что С. Салыбеков, делающему большое дело (он разрабатывает тему рабочего класса Киргизии), надо серьезно задуматься над художественными качествами своих произведений.

Декадные обсуждения были полезны и для наших молодых писателей. Хотя по рассказам и повестям Ч. Айтматова и К. Каймова сделаны отдельные замечания, в целом ими произведения получили высокую оценку. Это заслужено!

Интересным, хотя, по-моему, несколько односторонним, вышло двухнедельное обсуждение киргизской поэзии. Нам было приятно, что московские поэты признали киргизскую поэму сделала новый шаг вперед, перешед от тех традиционных, связанных преимущественно с фольклором, к широкому охвату социальных и лирических тем.

Да, киргизская поэзия, все энергичнее избавляясь от риторичности, от беспредметной описательности и фольклорной цветистости, в последние годы действительно достигла больших успехов.

Но вместе с этим есть характеристики для нашей поэзии недостатки и слабости, о чём, к сожалению, говорилось на обсуждении недостаточно.

Получалось так: речь о поэмах и поэтах шла преимущественно только хвалебная. Трудно было понять, в чём отличие одного поэта от другого, в чём его поэтическое своеобразие. А ведь как ни разы и ни подобраны скажуны, никогда все вместе они не приходят в финиш: один сильнее, другой отстает! Каждому поэту свойственно свое, неповторимое, в чём-то он силен и в чём-то слаб.

Наконец, хотелось бы высказаться относительно переводов. Переводы киргизской литературы на русский язык заметно улучшились в последние годы, это видно хотя бы по тому, что на декаде киргизская литература заслужила хорошую оценку. Но есть еще большие места в переведческом деле. Произведения национально-литературные, как правило, на русском языке утрачивают национальные краски. И, наоборот, часто мы становимся свидетелями того, как риторические произведения, написанные общо и западновосточным языком, в переводе вдруг «преображаются» благодаря усилиям переводчика. Следует избегать «тайной помощи», таких медвежьих услуг авторам.

...Итак, быстро промелькнула декада, хотелось бы еще продлить московские дни, но пора собираться домой. Самое главное, о чём хотелось бы сказать передъездом, это то, что, как мне думается, мы с честью провели смотр нашей литературы и искусства, и сердца наши полны радости и гордости.

Мы хорошо знаем, как дорога каждая минута для настоящего, работающего писателя. Хочется самым искренним поклоном поблагодарить московских литераторов, уделивших нам время и внимание, высказавших на обсуждении много интересных, ценных мыслей. Спасибо вам, наши московские друзья!

Спасибо тебе, наша родная Москва, ты всегда открываша нам широкий путь, ты ведешь нас к расцвету жизни и культуры. Спасибо тебе, большая, мудрая Москва!

Тугельбай СЫДЫКБЕКОВ

В Союзе писателей СССР

24 ОКТЯБРЯ собрались секретариаты писателей СССР, чтобы подвести итоги литературной части декады. Общий вывод, сделанный на секретариате, — смотр киргизской литературы в столице оказался очень успешен.

П. Ссыльные сообщили, что в обсуждении киргизских книг участвовало более ста московских литераторов. Успех этих обсуждений в значительной степени зависит от успехов самой киргизской литературы.

Примером заинтересованности может служить само заседание Секретариата, собравшее многих писателей, горячие деловые выступления В. Журавлева, С. Подлесной, С. Баруздиной, Е. Пермитина и других.

В принятом решении перечислены успехи прошедшей декады, обращено внимание на недостатки ее организаций, рекомендованы книги центральным издательствам. Особо отмечена необходимость дальнейшего межраспроблемных связей.

От имени киргизских писателей выступили А. Салиев, К. Маликов, К. Бобулов, Н. Байтимиров.

К О М У М Н О Г О Д А Н О ...

Обсуждение произведений

киргизских литераторов

МЫСЛЬ о том, что захватывание — это неуважение к писателю, не нова. Она многократно повторяется на каждой декаде. Но все же именно на декадах обсуждениях мы не раз встречались с этим неожиданным...

Обсуждение киргизской прозы, которое состоялось 16—17 октября, привнесло большое удовлетворение всем его участникам. Большинство выступавших ответственно подошло к своим задачам, почувствовав, что не пустых комплиментов ждут от них гости.

Киргизская проза еще очень молода. Вся ее история укладывается в памяти одного поколения. И тем не менее она может насчитать немало удач всесоюзного масштаба как у писателей старшего поколения, так и у молодых талантов.

— Здесь много говорят о недостатках произведений киргизских писателей, — начал свое выступление В. Сытина. — и я тоже буду говорить о недостатках. Но мы должны отметить главное — величайший культурный рост киргизского народа. За плечами киргизских прозаиков не стоит века, но они создали настоящую, большуюическую прозу.

— Такой небывалый рост киргизской прозы — разве это не одно из чудес нашего социалистического общества? — поддержал его А. Макаров.

В кратком отчете, конечно, нет возможности даже перечислить все выступления, не говоря уже о том, чтобы отметить все меткие, полезные, профессиональные замечания, сделанные на этих совещаниях. Ведь по одной прозе выступило около 25 человек. По необходимости ограничимся белгами на-нарсами.

Второе внимание прозаиков стояло ртом Т. Сыдыковека «Среда гор». Это произведение было названо гордостью киргизской литературы, и с этим определением были, по существу, согласны все выступавшие. Но это не помешало им высказать автору немало

— что произведения о прошлом обсужда-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 128 (3939)

Суббота, 25 октября 1958 г.

Цена 40 коп.

Прощаальные встречи

ДЕКАДА
АРТИСТИЧЕСКОГО
ИСКУССТВА И
ЛИТЕРАТУРЫ
В МОСКВЕ
1958

В ТЕЧЕНИЕ по-
следних дней
происходит и
прощальные встречи
участников декады с
москвичами. В Кон-
цертном зале имени
П. И. Чайковского
23 октября под пред-
седательством Н. Гри-
бачева состоялся за-
ключительный вечер
литературной части
декады. Председатель
Правления Союза
писателей Киргизии
А. Салиев во вступи-
тельном слове сердечно благодарил мос-
квичей за теплый и радушный прием,
оказанный участникам декады. Он говорил
о огромной пользе теоретических дискуссий, посвященных произведениям
литераторов Киргизии, покидающих столицу с чувством горячей благодарности к русским писателям и читателям. С чтением своих стихов выступили поэты С. Абдыкеримов, М. Борбулов, С. Джуусев, К. Маликов, народный поэт Киргизии А. Токомбаев, Я. Шивазов и другие. Вечер закончился концертом артистов Киргизского театра оперы и балета и республиканской филармонии.

В тот же день театры Киргизии дали свои прощающие спектакли.

Третьего дня группа артистов побывала на Московском электроламповом заводе. Проспект пролег одного из цехов, где во время общенationalного первенства проходил концерт, был откликнувшись за отказом рабочими и служащими. От имени коллектива завода гости сердечно приветствовали секретаря партии организации С. Бутузова.

Сегодня филиал Большого театра ССР СССР — большой концерт, которым завершилась декада киргизского искусства и литературы в Москве.

Литераторы Чехословакии в Ужгороде

КАК УЖЕ сообщалось в «Литера-
турной газете», делегация писателей Советской Украины, возглавляемая О. Гончаром, выезжала в город

Премьер в творческую встречу с писа-
телями Чехословакии.

Вторая встреча писателей двух республик состоялась на днях уже на Украине — в городе Ужгороде.

Сюда приехала группа чехословакских литераторов в составе Б. Ржиши,

В. Кани, В. Мигалика, П. Горова,

М. Риго, М. Марчановой, В. Бегунека,

М. Шульца, а также украинские писатели

Восточной Словакии — В. Зо-
зулак, Ф. Иванчук, Ю. Борович.

Приезд чехословаков в Ужгород

встречался с теплым приемом

и радушным приемом

чехословакской публики.

Сегодня вечером чехословаки

посещают концерт в Ужгороде.

Сегодня вечером чехословаки

посещают концерт

ПИСЬМО ЧЛЕНОВ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» Б. ПАСТЕРНАКУ

(Продолжение. Начало на 2-й стр.)

Из всех человеческих ценностей для доктора Живаго, как только он попадает в обстановку жестоких всенародных испытаний, остается лишь одна ценность — ценность собственного «я»; и уже через эту ценность, как дополнительную ценность, люди, так или иначе непосредственно причастные к этому «я». Этого, однозначное в себе в своих близких, не только единственное, о чем стоит заниматься, но в общем единственно существенная в мороздании ценность, все настоещее и все прошлое однозначно входит вместе с ним.

Недалек в полный унисон мыслам самого Живаго Лариса Федоровна говорит ему в разгар гражданской войны: «Мы с тобой как два новых человека Адам и Ева, которых нечем было прикрыться в начале мира, и мы теперь так же различны и беззмы в конце его. И мы с тобой помните все, что было в нашем воспоминании обо всем том неизменно великим, что настороне на света за многие тысячи лет между ними и настороне я, если оно погибнет, все погибнет вместе с ним».

Недалек в полный унисон мыслам самого Живаго Лариса Федоровна говорит ему в разгар гражданской войны: «Мы с тобой как два новых человека Адам и Ева, которых нечем было прикрыться в начале мира, и мы теперь так же различны и беззмы в конце его. И мы с тобой помните все, что было в нашем воспоминании обо всем том неизменно великим, что настороне на света за многие тысячи лет между ними и настороне я, если оно погибнет, все погибнет вместе с ним».

ПИСЬМО ЧЛЕНОВ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» Б. ПАСТЕРНАКУ

(Окончание. Начало на 2-3 стр.)

Мы Вам советуем внимательно перечесть эти слова, написанные Вами в Вашем романе. Что они да смыслишь, если побледне, но неужели Вы не чувствуете, что, кроме высокомерия, в них есть еще и низость! Правда редко бывает спутницей озлобления, должно быть, поэтому ее так мало и на тех страницах, где Ваш доктор Живаго защищает свою жизненную путь, и на страницах следующего за этим эпилога, написанного, как нам кажется, очень ожесточенной и очень последней рукой, настолько поспешной от ожесточения, что эти страницы вообще трудно читать в пределах искусства.

Вам не чуждо стремление к символике, и смерть, вернее, умирание доктора Живаго в конце двадцати голов, как нам кажется, для Вас является символом смерти русской интеллигентии, которую погубила революция. Да, надо согласиться, что для того доктора Живаго, которого Вы изобразили в романе, климат революции губительен. И спор с Вами не об этом, спор, как мы говорили уже вначале, — о другом.

В Вашем представлении доктор Живаго — это вершина духа русской интеллигентии.

В нашем представлении — это ее болото.

В Вашем представлении та русская интеллигентия, пути которой разошлись с путями доктора Живаго и которая пошла служить народу, удалилась от своего истинного назначения, духовно самонадеялась, не сделала ничего ценного.

В нашем представлении она именно на этом пути нашла свое истинное назначение и продолжала служить народу и делать для народа именно то, что в дореволюционные годы, готовя революцию, делала для народа лучшая часть русской интеллигентии, и тогда, как и сейчас, бесконечно чуждая тому сознательному отрыву от интересов народа, идейному отщепенству, носителем которых является Ваш доктор Живаго.

Ко всемуказанному нам остается с горечью добавить несколько слов о том, как изображен в Вашем романе народ в годы революции. Это изображение, данное чаще всего через восприятие доктора Живаго, а иногда и в прямой авторской речи, чрезвычайно характерно для антинародного духа Вашего романа и находится в глубоком противоречии со всей традицией русской литературы, никогда не заискивавшей перед народом, но уверенной видеть в красоте его, в силу, и духовном богатстве. Народ же, выведенный у Вас в романе, делится на добрых странников, лъяющих к доктору Живаго и его близким, и на полулюдей, полузвездер, бацтервящихся стихиями револю-

ции. Если хочешь узнать друга, поднимись с ним на высокую гору.

Люди вместе

МЫ СТОИМ обнявшись на узком скалистом гребне. Впереди голубатый козырек ледника со стекающей долиной рекой. Сзади — полукружье горного цирка. Оттуда мы пришли, приподняв дверь прибраться по тропам и без троп, через потоки, гремящие камнями, под солнцем и в непогоду. И все для того, чтобы подняться на этот перевал, похожий на десант других, пройденных нами, и положить друг другу руки на плечи.

И в записке, оставленной в сложенном из камней туре, говорится не о каждом из нас, а обо всех сразу: «21 августа 1958 года группа студентов МГУ открыла и первой взошла на Гиссарский перевал».

НАС ДОЛГО вела дорога. Затем — тропа. Но мы расслались и с ней, перейдя вброд горную реку Ханака, и оказались вдруг на единице с горами, небом и скалами. Сам собой установился строгий порядок похода. Впереди — Сергей Яценко, молчаливый, надежный парень. За ним — Мила Смирнова, единственная женщина среди нас. Миша Белецкий поддеркивал Мишу, если она оставалась. Следующие две — меланхоличный Володя Дадыкин и я — могли произвольно меняться местами. Замыкал маленькую колонну Дима Поспелов. Он отстал за каждого из нас, в частности за меня, новичка в горах и вообще впервые взиравшего рюкзак.

Вступал в силу суровый и непреложный закон единства — один не мог быступить здесь ни шагу. Вечером на привале мы спешли набрать дров для костра, поспеть, забраться в палатку и вытнуть гудящие ноги. Лишь Дима задерживался у тлеющих углей, прикладывая склону мы прошли в этот день, начиная путь на завтра и подсчитывая оставшиеся продукты: при переправе один рюкзак упал в воду — сахара в нем изрядно утонул, мука же испортилась вся. Был установлен новый — половинный рацион.

«Так мы поднялись в верховья реки Ханака и перевал того же названия. Посетивший его в 1896 году путешественник В. И. Липский утверждал, что перевал ведет к высокогорному озеру Искандер-Куль, которое было нашей ближайшей целью. Но он ошибался. Сверившись с компасом, мы убедились, что озеро находится далеко в стороне. Путь к нему преграждал неприступный кряк с черными зубами: снег не держался на них, настолько отвесны они были. Пришло время возвращаться. И этот путь мы проделали в совершенном молчании.

— Давайте решать, — предложил Дима Поспелов, когда вечером мы остановились на высокой, обдувающей ветрами морене над впадением в Ханаку порожистого притока. — С продуктами, сами знаете... В верховьях этого

ци, вернее сказать, в Вашем представлении, мятежа, бунта.

Чтобы и здесь не быть голословными, всего несколько цитат в подтверждение сказанного. На этот раз без комментариев — так, подряд, — нагляднее.

«В начале революции, когда по примеру девяноста пятого года опасались, что и на этот раз революция будет кратковременным событием в истории просвещенных верхов, а глубоких низов не сконется и в них не упрочится, народ всеми силами старались распространять идеи революционизировать, переполошить, взблазмить и разъяснять».

«В эти первые дни люди, как солдаты Памфил Пальых, без всякой агитации, лютой озерной ненависти ненавидевшие интеллигентов, боя и офицерство, казались редкими находками восторженным интеллигентам и были в страшной цене. Их бесчеловечность представлялась чудом классовой сознательности, их варварство — образцом пролетарской гвердости и революционного инстинкта. Такова была утверждавшаяся за Памфилом слава. Он был на линии счету у партизанских главарей и партийных вожаков».

«Для почтенных гостей были расставлены стулья, их занимали три-четыре человека рабочих, старые участники первого перевала, среди них угрюмый, изменившийся Твердин и всегда ему подавлявший друга его, старик Антипов. Сопричастные к божественному разрыву, в ногам которого революция положила все дары свои и жертвы, — они сидели молчаливыми, строгими, испуганными, из которых политическая спесь вытравила все живое, человеческое».

«Это время оправдало стараго изречение: человек человеку — волк. Путник при виде путника сворачивал в сторону, встречный убивал встречного, чтобы не быть убитым. Появились единичные случаи людоедства. Человеческие законы цивилизации кончились. В силе были звериные. Человеку снились доисторические сны пещерного века».

Можно было бы выписать и немало других, похожих на это место, однако и приведенные достаточно характерны для того, чтобы представить себе, каким выглядит в Вашем романе народ, во всяком случае та часть его, которая принадлежит к активной в революции. За это именно и сердится на нее Ваш герой, а вместе с ним и Вы.

До сих пор мы почти не касались художественной стороны Вашего романа. Если говорить о ней, то следует заметить, что при общей сюжетной и композиционной разборчивости и даже раздобрленности романа, впечатление от тех или иных страниц его не собираются в общую картину и так и существуют разрозненно.

Возвращаем Вам рукопись романа «Доктор Живаго».

27 ОКТЯБРЯ исполняется шестьдесят лет со дня создания Московского Художественного академического театра имени Горького. В эти юбилейные дни мы еще и еще раз вспоминаем заветы основателей театра Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Ивановича Немировича-Данченко, постоянно звавших к творческой принципиальности, к тесной связи искусства с жизнью, к умению ярко и честно служить своему народу.

Есть в романе немало первоклассно написанных страниц, прежде всего там, где Вам поразительно точно поэтично увидена и запечатлена русская природа.

Есть в нем и много откровенно слабых страниц, лишенных жизни, исущенных дилатацией. Особенно много их во второй половине романа.

Однако нам не хочется долго задерживаться на этой стороне дела, как мы уже говорили в начале письма, — суть нашего спора с Вами не в эстетических пренебрежениях в исторических пренебрежениях. Вы написали роман, сугубо и прискорбно политического романа-пропаганды. Вы построили его как произведение, вполне откровенно и целиком поставленное на службу определенным политическим целям. И это самое главное для Вас, естественно, стало предметом главного внимания и для нас.

Как это ни тяжело, нам пришлось нахватать в своем письме к Вам все вещи своими именами. Нам кажется, что Ваш роман глубоко несправедлив, исторически необъективен в изображении революции, гражданская войны и послереволюционных лет, что он глубоко антидемократичен и чужак какого бы то ни было понимания интересов народа. Все это, вместе с тем, прискорбно для нас.

Сопричастные к божественному разрыву, в ногам которого революция положила все дары свои и жертвы, — они сидели молчаливыми, строгими, испуганными, из которых политическая спесь вытравила все живое, человеческое».

«Для почтенных гостей были расставлены стулья, их занимали три-четыре человека рабочих, старые участники первого перевала, среди них угрюмый, изменившийся Твердин и всегда ему подавлявший друга его, старик Антипов. Сопричастные к божественному разрыву, в ногам которого революция положила все дары свои и жертвы, — они сидели молчаливыми, строгими, испуганными, из которых политическая спесь вытравила все живое, человеческое».

«Это время оправдало стараго изречения: человек человеку — волк. Путник при виде путника сворачивал в сторону, встречный убивал встречного, чтобы не быть убитым. Появились единичные случаи людоедства. Человеческие законы цивилизации кончились. В силе были звериные. Человеку снились доисторические сны пещерного века».

Можно было бы выписать и немало других, похожих на это место, однако и приведенные достаточно характерны для того, чтобы представить себе, каким выглядит в Вашем романе народ, во всяком случае та часть его, которая принадлежит к активной в революции. За это именно и сердится на нее Ваш герой, а вместе с ним и Вы.

До сих пор мы почти не касались художественной стороны Вашего романа. Если говорить о ней, то следует заметить, что при общей сюжетной и композиционной разборчивости и даже раздобрленности романа, впечатление от тех или иных страниц его не собираются в общую картину и так и существуют разрозненно.

Возвращаем Вам рукопись романа «Доктор Живаго».

Б. АГАПОВ,
Б. ЛАВРЕНЕВ,
К. ФЕДИН,
К. СИМОНОВ,
А. КРИВИЦКИЙ

Сентябрь, 1956 г.

притока может оказаться перевалом, но может его не быть. Во всяком случае, впереди нам не встретятся ни одной «населенки». А внизу, позади, в трех дневных переходах — кишлаки, люди...

— Володя, твое мнение?

— Если пройдем та мало, — осторожно начал Володя Дадыкин, — нас никто не упрекнет...

— Ясно. Ты, Миша?

— Мы не рассчитывали на легкий путь. А варить можно меньше.

Миша сказал, что согласится с любым решением. Я — примерно то же.

— Короче, за возвращение, — жестко сказал Дима. — Только так я и понимаю ваш нейтралитет. Сергей?

— Надо идти вперед.

— Почему?

— Потому что мы пройдем.

— Потому что внизу нам делать нечего.

— Наша задача — спуститься с горы.

— Мнения разделились, — подытожил Дима. — Именно поэтому у меня нет сережкиной уверенности, что мы пройдем. Своё решение я объявлю утром.

— Мнения разделились, — подытожил Дима. — Именно поэтому у меня нет сережкиной уверенности, что мы пройдем. Своё решение я объявлю утром.

— Сергей — ты там с краю, — пошутил Едва.

— Далеко. Рукоять достаю.

Время от времени что-то с грохотом прокатывается по руслу мимо палатки. Это камни, сорванные вдущим ветром. Каждый отлично помнит, что даст волна, что даст волна, что даст волна...

— Так мы поднялись в верховья реки Ханака и перевал того же названия. Посетивший его в 1896 году путешественник В. И. Липский утверждал, что перевал ведет к высокогорному озеру Искандер-Куль, которое было нашей ближайшей целью. Но он ошибался. Сверившись с компасом, мы убедились, что озеро находится далеко в стороне. Путь к нему преграждал неприступный кряк с черными зубами: снег не держался на них, настолько отвесны они были. Пришло время возвращаться. И этот путь мы проделали в совершенном молчании.

— Давайте решать, — предложил Дима Поспелов, когда вечером мы остановились на высокой, обдувающей ветрами морене над впадением в Ханаку порожистого притока.

— С продуктами, сами знаете... В верховьях этого

ци, вернее сказать, в Вашем представлении, мятежа, бунта.

Чтобы и здесь не быть голословными, всего несколько цитат в подтверждение сказанного. На этот раз без комментариев — так, подряд, — нагляднее.

«В начале революции, когда по примеру девяноста пятого года опасались, что и на этот раз революция будет кратковременным событием в истории просвещенных верхов, а глубоких низов не сконется и в них не упрочится, народ всеми силами старались распространять идеи революционизировать, переполошить, взблазмить и разъяснять».

«В эти первые дни люди, как солдаты

Памфил Пальых, без всякой агитации, лютой озерной ненависти ненавидевшие интеллигентов, боя и офицерство, казались редкими находками восторженным интеллигентам и были в страшной цене. Их бесчеловечность представлялась чудом классовой сознательности, их варварство — образцом пролетарской гвердости и революционного инстинкта. Такова была утверждавшаяся за Памфилом слава. Он был на линии счету у партизанских главарей и партийных вожаков».

«В эти первые дни люди, как солдаты

Памфил Пальых, без всякой агитации,

льяется и еще одна

жестокость, которую

я не могу описать

и которая

все это

и которая

и которая